

Renate Hansen-Kokoruš (Hrsg.)

Sibirien – Russland – Europa

Fremd- und Eigenwahrnehmung in Literatur und Sprache

Verlag Dr. Kovač

**Hamburg
2013**

РОССИЯ, ЕВРОПА, СИБИРЬ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Н.Е. Разумова (Томск)

Чехов принадлежит к числу трех классиков русской литературы, которые наиболее тесно связаны с Сибирью. При этом в отличие от Толстого он в Сибири был; в отличие от Достоевского – был добровольно. В отличие от обоих, не связывал с Сибирью религиозно-мистических представлений и не отправлял туда своих героев для их духовного перерождения. Однако глубокое, перерождающее воздействие Сибири он, подобно Достоевскому, испытал сам: из своего знаменитого путешествия через Сибирь на Сахалин, предпринятого в 1890 г., он вернулся поистине другим человеком, но не в религиозном, духовно-нравственном, как Достоевский, а в мировоззренческом плане.

Путешествие наложило огромный отпечаток на его личность и творчество и получило широкий общественный резонанс, особенно благодаря появившейся спустя некоторое время очерковой книге ОСТРОВ САХАЛИН, осветившей один из самых темных углов российской жизни. Современники рассматривали сахалинское путешествие Чехова как гражданский подвиг; это мнение так и осталось не поколебленным более чем век спустя; но тем более непонятны причины этого неординарного поступка. Ведь Чехов совершенно очевидно не принадлежал к числу писателей, чье творчество было посвящено злободневным вопросам социальной жизни. Именно за отсутствие в его произведениях определенной социальной, тем более политической позиции его на первых порах то и дело упрекала критика. И после путешествия ничего в этом плане не изменилось. Очевидно, что путешествие имело иные, не столь общепонятные мотивы и было подготовлено всей логикой развития Чехова в 1880-е гг.

В отличие от Достоевского и Толстого, он не был «мыслителем», то есть чуждался прямого публицистического изложения своих идей. Его мысль обычно находила чисто художественное воплощение, исключаяющее безапелляционность и авторитарность, или довольствовалась приватным высказыванием, чаще всего эпистоляр-

ным, как в известном письме к Д. Григоровичу 5 февраля 1888 г., где Чехов четко сформулировал оппозицию «Россия – Европа»:

В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно [...]. Простора так много, что маленькому человечку нету сил ориентироваться [...]. (Чехов 1975: 190)

Письмо содержало в не прямой форме творческое кредо молодого писателя: Россия и Европа представляли здесь не только два варианта социально-культурной организации, но и два объекта художественного освоения и соответственно два основных варианта писательской позиции. Европа предстает как арена социально-психологических коллизий и порождаемых ими межличностных и социальных конфликтов. Эта сфера, которая была уже хорошо освоена за десятилетия реализма и привычна для литературы, в частности для драмы, Чехова не привлекала, он всё больше и больше дистанцировался от нее в своем творчестве, в том числе в драматургии, что определило основное направление его новаторства. Коллизия, определяемая здесь как российская, выступает в письме как более и даже единственно соответствующая истинному объекту литературы, который определяется в этом же письме как соотношение «человек и природа». Речь идет о природе в широком, обобщенном смысле слова – как о том естественном и изначальном окружении человека, которое иначе называется «мир».

По сути, в этом письме Чехов манифестирует свой отказ от традиционных реалистических задач литературы и переключает внимание на проблемы самоопределения личности в мире, бытийной ориентации. В этом он близок к Достоевскому и Толстому, придавшим русскому реализму огромную глубину и масштабность, но и отличается от них, поскольку его материалистическое сознание диктовало иную постановку подобных проблем, без привычных религиозно-нравственно акцентов. Молодой Чехов объявляет главной для литературы собственно гносеологическую проблематику, связанную со стремлением человека понять мир, и дает ей в этот период своей творческой жизни глубоко трагическую интерпретацию. В связи с этим можно говорить о принципиальной близости его в это время к позициям европейской «новой драмы» в лице Ибсена, Гауптмана, Метерлинка, показавшей именно закономерность

трагического поражения индивида в противостоянии с абсурдным мироустройством.

Эта трагическая позиция всё яснее проявлялась в творчестве Чехова с середины 1880-х гг., соответственно отдалению его от юмористики. Его произведения всё настойчивее показывали героев, размышляющих о «смысле жизни», и не предлагали никакого положительного ответа.

Ситуация гносеологической растерянности человека в мире находила выражение в пространственных образах большого пространства, в котором передвигались и словно терялись персонажи. Чаще всего это был образ степи, и глубоко закономерно то, что начало «серьезной» литературной деятельности Чехова, формально отмеченное дебютом в «толстом» журнале, было ознаменовано повестью СТЕПЬ – именно с ней связано письмо к Григоровичу, о котором говорилось выше. Чехов раскрыл в ней ту трагическую коллизию, которая еще не была освоена русской, и не только русской, литературой и которой предстояла всё большая актуальность в культуре ближайших десятилетий. Многие современники, как и более поздние интерпретаторы, не сумели разглядеть в повести этот важнейший аспект, не смогли допустить возможность того, что традиционный национальный эпический образ может быть представлен в трагическом ключе. В СТЕПИ упорно продолжают находить гимн русской природе и истории; тогда как в ней художественно выражен мировоззренческий кризис, давно назревавший у Чехова и отразившийся еще и после нее в ряде произведений (особенно ОГНИ и СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ).

Повесть строится как путешествие 9-летнего мальчика Егорушки через степь, по огромному пространству, которое он, с помощью повествователя, пытается познавать и осмысливать. Но это оказывается практически невозможно, поскольку во всем увиденном неизбежно отражаются его собственные субъективные представления, которые проецируются из его души на мир. Человек наделен ищущим духом, который не может не вопрошать мир, не думать о своем назначении в нем. Но понять, чего ждет от него мир и ждет ли вообще чего-нибудь, невозможно. В повести ОГНИ этот агностицистический вывод выражен фразой повествователя: «Ничего не разберешь на этом свете!» (Чехов 1977а: 140) Трагический акцент ситуация одиночества человека в мире получает в силу неустранимой, но не удовлетворенной потребности в диалоге с ним. Потребность

знать и понимать, иначе говоря, видеть смысл жизни, неотъемлема от человека, составляет его сущность, но не может найти удовлетворения. В СКУЧНОЙ ИСТОРИИ это получает название «общая идея»: герой повести – старый знаменитый ученый-медик – в виду приближающейся смерти тщетно ищет объяснение вопиющему разрыву между своим прославленным, заслужившим бессмертие «именем» и его бренной материальной оболочкой. Утешительной «общей идеей», то есть разумного объяснения, смысла, преодолевающего этот абсурдный дуализм, автор ему не подсказывает.

Показательно, что сюжетная модель путешествия в произведениях Чехова по мере углубления трагической концепции редуцируется. Путешествие, выражающее в форме пространственной экспансии познавательную активность человека, оказывается заведомо бесперспективно и потому утрачивает интерес. Чехов предусматривал продолжение истории Егорушки, героя СТЕПИ, которое видел как «самоубийство 17-летнего мальчика» (Чехов 1975: 190). Повесть СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ замыкает героя в тупике, равнозначном смерти. Чехов сам в этот кризисный период был близок к суицидальному выходу.

Однако вместо этого он принял на первый взгляд прямо противоположное, парадоксальное и вместе с тем далеко не случайное решение. Путешествие на «каторжный остров» Сахалин через Сибирь, при отсутствии более или менее цивилизованных коммуникаций, представляло такие трудности и опасности, что могло рассматриваться как вполне адекватная замена, но в то же время с открытым исходом. Чехов выбрал нечто вроде «русской рулетки»; она была призвана дать окончательный ответ, подкрепленный экстремальностью эксперимента. Ответ был получен. Он содержится во всем послесахалинском творчестве Чехова, но в сжатом виде его суть и даже процесс его формирования запечатлены в цикле очерков ИЗ СИБИРИ, написанных в пути (большой частью – во время вынужденной задержки в Томске).

Благодаря Толстому и Достоевскому, которые, в свою очередь, аккумулировали и отточили в своем творчестве большую культурно-историческую традицию, с Сибирью прочно соединились религиозные коннотации, реализовавшиеся в соответствующих сюжетах и образах. Вместе с тем, к концу XIX века, с активизацией российского капитализма, и особенно с началом строительства Транссибирской магистрали, всё отчетливее формировалась новая

тенденция – освещение Сибири в сугубо практическом, исключительно «земном» аспекте, как края, перспективного для хозяйственного освоения. Позиция Чехова оказалась маргинальной по отношению к обеим основным линиям в интерпретации Сибири: он не был религиозен и нисколько не колебался в своих материалистических воззрениях, подкрепленных медицинским образованием. С другой стороны, он был совершенно чужд злободневным интересам социальной конъюнктуры. В его очерках отражается происходящее под влиянием сибирских впечатлений кардинальное изменение картины мира, понимания онтологической ситуации человека. Чеховскому герою-повествователю свойственна духовная динамика, готовность к корректировке своей позиции, к конструктивному диалогу с миром.

Он начинает путь с привычным дихотомическим сознанием. Вместо оппозиции «Россия – Европа» возникает противопоставление Сибири и привычной европейской части России как «у вас», «здесь» – «у нас», «там» (Чехов 1978: 7), то есть как «чужого» и «своего». Но по мере погружения в трудности и порой смертельные опасности пути отчуждение от сибирского пространства преодолевается, возникает причастность к нему, размывается изначальная оппозиция.

Более того, преодолевается дихотомичность как принцип, определявший трагический характер его онтологических представлений. Сначала он осознает свою общность с другими людьми, которые в Сибири, как и он, оказываются вынуждены противостоять бесчеловечному миру. Но и эта оппозиция, хотя уже и избавляющая индивида от фатального одиночества, тоже снимается: между человеком и миром также обнаруживается не разобщающее отчуждение, а взаимное тяготение и потребность.

Человек реализует в мире свой потенциал, превращая его сугубо материальное существование в осмысленное, стройное, культурное. В пути по Сибири Чехов не раз отмечал пустоту, безлюдность ее пространства, сравнив его даже с клеткой без птицы. Присутствие человека с его преобразующей мир деятельностью рассматривается им как должное и желательное. Культура становится главным понятием, определяющим бытийное место человека. Обогащающая мир созидательность – то, что составляет смысл его жизни. В принципе Чехову становится близка позиция, в полемической форме

выраженная тургеневским Базаровым: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник.» (Тургенев 1981: 43)

Очерки симптоматично заканчиваются образом сибирского кузнеца, талантливого самородка, своей энергией и трудом преобразующего грубый мир. Как и сибирская природа – тайга, Енисей – он сопоставляется с российскими реалиями. Граница между ними уже не существует. Можно полагать, что уподобления реалиям европейским здесь нет только потому, что Чехов еще не был за границей. В мире теперь для него на первый план вышли не различия, а глубинная общность. Такая позиция принципиально снимает противопоставление России и Европы во имя универсальных закономерностей и объясняет характерную для произведений Чехова размытость национально-специфического плана.

Несмотря на смысловую завершенность, формально цикл не завершен. Он строится по принципу линейного развертывания пространства, всё более накапливающего энергию дальнейшего поступательного движения, которое предполагает и неограниченное изменение позиции героя-повествователя. Пространственное перемещение, сопровождаемое процессом глубокого внутреннего изменения, органично переходит в динамику времени, получает выражение в его категориях. Тем самым бытие наделяется признаками процессуальности, направленного движения, «пути», который прокладывается в мире по инициативе человека.

Огромная и позитивная по характеру внутренняя работа, проделанная Чеховым на протяжении сибирского пути, непосредственно проявилось в его работе на Сахалине и написанной по ее результатам книге ОСТРОВ САХАЛИН. Но отголоски путешествия встречаются буквально в считанных рассказах – БАБЫ, ГУСЕВ, ПАЛАТА № 6, СТРАХ, УБИЙСТВО – и это составляет вторую сторону загадки, окружающей сибирско-сахалинский проект писателя. Можно утверждать, что, как и побудительные причины поездки, ее последствия имели скрытый, внутренний характер, определяя не столько место действия и событийную канву последующих произведений, сколько точку зрения и систему ценностей.

На протяжении более пяти лет после путешествия Чехову была свойственна выработанная там оптимистическая по сути позиция активного, культурного сотрудничества человека с миром. Она прямо или косвенно («от противного», как недостающая и необходимая герою) присутствует в произведениях, придавая им внутреннюю

энергичность, векторность, ценностно и пространственно выстраивая сюжет (ПОПРЫГУНЯ, АРИАДНА, АННА НА, УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ, ПАЛАТА № 6, ДОМ С МЕЗОНИНОМ, СКРИПКА РОТШИЛЬДА, БАБЬЕ ЦАРСТВО, ТРИ ГОДА, МОЯ ЖИЗНЬ, МУЖИКИ и др.).

Образцом может служить рассказ СТУДЕНТ, который сам Чехов особенно любил – и, представляется, глубоко закономерно: не только за филигранное художественное совершенство четырехстраничного шедевра, но и за внутреннюю близость того, что изображено как происшедшее с его героем, и того, что было пережито самим Чеховым в ходе путешествия. В начале рассказа у «студента» такое же ощущение своего отчуждения от всего мира, как у героев предсакхалинских произведений Чехова, с которыми автор делился собственным трагическим сознанием. Показательна переключка фразы из этого рассказа: «И ему не хотелось домой» (Чехов 1977б: 306), передающей крайнюю степень обособленности героя, со словами из пятого очерка ИЗ СИБИРИ, где герой-повествователь в начале своего движения по новому пространству переносит свое отчуждение от него на весь мир, включая родную сторону: «[...] нет охоты возвращаться назад» (Чехов 1978: 22). Не случайной представляется даже чисто пространственная ориентация сюжета: Иван Великопольский идет, по дороге переживая внутреннее перерождение благодаря случайному разговору с двумя деревенскими бабами, на восток, так же как Чехов ехал по Сибири. Восток при этом не несет никакой сакрально-мистической семантики, как и весь сюжет, несмотря на включение в него евангельского эпизода, разворачивается целиком в горизонтальной плоскости земного бытия. В первой части рассказа пространство концентрировалось вокруг героя, передавая его отчужденную замкнутость; показательно, что несмотря на предельную краткость текста здесь пять раз повторяется слово «кругом»; изменению в мировидении героя соответствует «размыкание круга», вытягивание пространства в перспективу. Аналогичная трансформация происходит и с временем, которое из дискретного и по сути неподвижного выстраивается для героя в единую поступательную линию. Метафорическим образом этого нового хронотопа становится цепь, связывающая всё в мире в осмысленное единство.

Совершающееся в герое изменение происходит по тому же сценарию, что и у самого Чехова: сначала обнаруживается его общность с «другими», потом через них – со всем миром, который утрачивает черты враждебности и открывается как родственно распахну-

тое ему навстречу пространство. Название рассказа также выражает позицию, сформировавшуюся у Чехова в ходе сибирского путешествия: первоначальный вариант – ВЕЧЕРОМ – подчинял героя состоянию мира, причем с минорным акцентом. Окончательно выбранное заглавие передает энергию продуктивного культурного диалога с миром, при фокусировке именно на сознании человека как на активном начале в этом диалоге.

Послесахалинское мировидение не стало итоговым, окончательным для Чехова, он прошел еще через несколько этапов, каждый из которых характеризуется внутренним единством мировоззрения и творчества. Но выработавшаяся в ходе сибирского путешествия позиция стала закономерным звеном в его дальнейшем развитии и в свою очередь влияла на формирование следующих. Финальная позиция, к которой он пришел в свой поздний период (рассказы ДАМА С СОБАЧКОЙ, АРХИЕРЕЙ, комедия ВИШНЕВЫЙ САД) уже принципиально отличается от сахалинской с ее активистским антропоцентризмом. Но еще больше она отличается, безусловно, от досахалинской, в которой человек был трагически противопоставлен всему миру. Чехов вырабатывает новое понимание человека, задачей которого теперь мыслится не личная самореализация (как в ЧАЙКЕ и ДЯДЕ ВАНЕ), не напряженный поиск смысла человеческой жизни в вечном движении мира (как в ТРЕХ СЕСТРАХ), а исполнение общих законов этого движения. Необычность авторской позиции заключается в том, что она не отдает предпочтения не только кому-то из персонажей, но и человеку как таковому, который вообще не выделяется из жизни мира, не обособляется, не становится центром внимания.

Чехов уловил и выразил тот сдвиг, который отделил мировосприятие XX века от классической культуры прошлого, но в его осмыслении сделал акцент не на разломе, а на путях противостояния разлому. Преодоление антропоцентрической традиции становится у него не истоком абсурда, засасывающего человека в пустоту и хаос «децентрированного» мира, а условием спасительного для человека погружения в стройное, гармоническое целое.

ЛИТЕРАТУРА

- Тургенев, И.С. (1981): Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 7. Москва.
- Чехов, А.П. (1975): Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма. Т. 2. Москва.
- Чехов, А.П. (1977а): Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 7. Москва.
- Чехов, А.П. (1977б): Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 8. Москва.
- Чехов, А.П. (1978): Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 14-15. Москва.

RUSSLAND, EUROPA UND SIBIRIEN IN ČECHOVS WERK

N.E. Razumova

Im Unterschied zu Europa, wo „das Leben eng und stickig“ ist, verband Čechov die Tragik des russischen Lebens damit, dass das Leben in Russland „zu weit“ ist und man in der Welt „nicht imstande ist, sich zu orientieren“. Gerade darin bestand der Kern der Krise, die er selbst erlebte und die in seinen Werken der 1880er Jahre zutage trat. In seiner Reise durch Sibirien nach Sachalin (1890) wurde die tragische Gegenüberstellung von Mensch und Welt durch die Idee der schöpferischen und weltgestaltenden Aktivität des Menschen ersetzt. Dieser anthropozentrische Aktivismus half dem Schriftsteller, die Krise zu überwinden, kennzeichnete aber nicht seine endgültige Position. In seinem späten Werk zeigt Čechov eine prinzipiell andere Ontologie, die den Menschen nicht aus der Welt aussondert, sondern ihren allgemeinen Gesetzen unterordnet.